

Город, над которым стонут журавли

Мой родной город меняется с каждым годом. Сегодня Валуйки уже совсем не похожи на город моего раннего детства. Без сомнения, эти изменения не идут ни в какое сравнение с масштабами городов в несколько сот тысяч человек, не говоря уж о мегаполисах. И тем не менее он растёт и изменяется вместе со мной, оставаясь при этом таким же родным и близким, как раньше.

С высоководного моста через Валуй хорошо видно, как движимые половодьем льдины, тесня друг друга, наползают на ледорезы или ледоломы (не знаю, как правильно назывались эти сооружения, стоявшие справа от моста, если смотреть в центр города). Весеннее солнце не оставляет льдинам шансов, жжёт лучами, гонит вниз по течению. А ведь какой был Валуй в те годы - полноводная река.

Снега ещё много; по нему легко идут саночки. Мы с бабушкой собрались за керосином. Потому что дома есть такие охотие до этого топлива керосинка и примус. Частенько не было электричества - тогда выручала керосиновая лампа. Только позже газ появился в каждом доме. А пока - канистру на саночки - и вперёд! Путь предстоял неблизкий - керосиновая лавка на выступе холма справа от моста. К ней вели узкие и скользкие зимой ступеньки. У входа небольшая очередь: люди обмениваются новостями, наполняют канистры, бидоны и по домам.

Спрятав в рукавике бумажный рубль, бегу в магазин на Пушкарке, что между «Сельхозтехникой» и «Транссельхозтехникой». Летом здесь полно велосипедов, а сейчас вокруг сугробы. Нужно не забыть сколько и чего купить. Выстояв очередь, тащу домой полную авоську - я уже взрослый, в первый класс хожу. Вот не разбит бы ненароком банку со сметаной и бутылки с молоком и кефиром.

Возле здания универсама ОРСа по улице Курячего (сейчас здесь «Пятёрочка») людская суета. Предновогодье. Двое мужчин стараются уместить в багажник «Москвича» телевизор, ещё один вытащил на улицу коробку с магнитофоном, присматривается, предлагает помощь. Может быть, и для его покупки найдётся место в салоне? Погрузка успешно завершена, довольная тройца уезжает. В отделе игрушек бойко идёт торговля: раскупают красивые машинки-фургоны, куклы с закрывающимися глазами, ещё какие-то игрушки. Кто-то из взрослых спешит в детскую больницу напротив - порадовать своих детей, тех, кого не отпустят домой на праздники. К окнам палат прилипли мальчишеские и девчоночьи мордашки - высматривают, ждут.

Весной и осенью дойти с Пушкарки до четвертой школы - то ещё приключение. На Совхозной и 2-м Новоездком переулке - глубокие колеи от трактора. Добравшись до перекрёстка Совхозной и Щорса (сейчас здесь автозаправка и гаражи), можно чуть передохнуть. А потом начиналось самое интересное - преодолеть поле и добраться до улицы Котовского. Липкая, вязкая грязь хватала за сапоги, бывает, не отдаёт сразу обувку. Бредут школяры, кто постарше, помогает выбраться из чернозёма малышне. Упал, перемазался, что ж - в школе тепло, обсохнешь. Автобус? Ну да, ходит перекошенный на правую сторону ЛиАЗ, забитый так, что едва закрываются двери. Куда там влезть малышне с ранцами. Да и дождётся ли его?

Возле здания школы лейка - длинная труба, в ней множество отверстий для воды. Детвора, как может, оттирает от обуви грязь: в перемазанных сапогах и без «сменки» в школу не пустят. Оно и правильно, иначе во что бы превратились полы в классах и школьных коридорах.

Зимой хорошо - снег укроет все неровности. Ну почти все. И поскольку зноувшись, летишь, сбивая с ног идущих рядом друзей, а сбоку кувиркается по ледяному насту неприменный атрибут ученика, класса так с шестого, - чедоданчик «дипломат».

Морозы в те годы частенько стояли суровые. По утрам ребяты смотрела на градусник: есть ли 25 ниже нуля? Тогда все ждали, будет ли объявление по радио о том, что в связи с низкой температурой занятия в школах с первого по восьмой класс отменяются. Старшеклассники по-прежнему брели на учёбу, а остальная ребятня - на улицу: санки, лыжи, снежки и прочий хоккей никто не отменял. Хорошо тем, у кого родители на работе, не загонят домой раньше вечера. Тогда домой возвращался маленький живой снежный сугроб, получал нагоняй и начинал отогреваться возле печки.

Случалось, в старших классах вместо уроков сопровождали домой первачков, чтоб те не потерялись в сугробах и заносах, не провалились в случившуюся по дороге канаву - снега выпадало действительно очень много.

В весенние каникулы на улицах уже бежали робкие первые ручейки. Это была пора корабликов из бумаги или каких-нибудь подвернувшихся деревяшек. Позже наступало половодье. По улицам Пушкарки шла вода из, как тогда его называли, «мясокомбинатовского пруда», - в те годы полноводного водоёма. На перекрестке Фрунзе и Воровского поток был такой силы, что сбивал с ног - и это не преувеличение! Возвращавшиеся с работы - тогдашней межрайбазы, железнодорожного узла - мужики закатывали штаны, снимали обувь и переносили своих спутниц через эту бурную речушку. Кое-кто возвращался из дома, оказывать помощь припоздавшим, собиралась компания.

Знойное, пыльное лето. Город строится, обновляется. На улицах вереница ЗиЛов с прицепами, один за другим выгружают щебень. Скоро здесь будет асфальт. Год от года становится всё больше КамАЗов. Движение не стихает с утра до вечера.

На дороге чёрный, хорошо заметный кошелёк. Грузовик останавливается. Из оранжевой кабины выходит шофёр, нагибается. Кошелёк резво отпрыгивает от него на несколько сантиметров, а затем шустро тикает в заросли придорожного бурьяна - крепкая нить хорошо измазана смолой и на дороге незаметна. Мужчина по инерции делает ещё шаг, потом останавливается, начинает хохотать. В ответ довольный смех юных шалопаев - в этот раз получилось нашкодить и уши не оборвали, а то всякое бывало, знаете ли...

Вечером раздолье для мототехники. Ездоки помладше рассекают на «Верховинах» и «Карпатах». Кто постарше, и сам уже работает - оседлал мотоциклы. Самые престижные, конечно же, «Явы»; чуть попроще, но тоже крутыми считается «Чезет». Чей-то бобинный магнитофон орёт на всю улицу про каскадёров. Мелкая ребятня вышла улица на улицу в «войнушку». Сражение развернулось нешуточное: звуковые эффекты обеспечивает специально разведённый костерок, в котором трещат, лопаются и стреляют во все стороны куски старого шифера и найденные аэрозольные баллончики. Всяческие карбидовые и спичечно-трубочные стрелялки тоже шли в ход. И как мы только выживали тогда?

Вдоволь накупавшись в Валуге, ребячья ватага возвращается домой. Глазекот с моста на железнодорожную станцию. Интересно. Грузовые составы, пассажирские поезда, электрички. Снуют маневровые локомотивы. Все пути заняты. А что вы хотите: Валуйки - ворота Донбасса.

На перроне люди покупают «Киевские» торты из вагона-ресторана московского поезда. Тут же вовсю идёт при вокзальной торговля: пассажиры, едущие к морю, бойко скупают вареную картошку, свежие и малосольные огурчики, другую снедь. Дедуля, у которого опустел бидон с солениями, быстро оглядывается и шустро закидывает в него пригоршню свежих огурцов - они подешевле, и идут хуже малосольных. Через пару минут бидончик пустеет. Дед довольно улыбается и отправляет в ёмкость очередную партию. К вечеру он принесёт внукам, приехавшим «на побывку» из Запорожья, кое-какие гостинцы, не забыв перед этим принять стаканчик «с пояском» в вокзальном кафе. А бабуле, чтоб не бранилась, вырученную денежку и тот самый торт к чаю.

Проводница с только что подошедшего поезда спрашивает у ребятни, толкущейся на перроне: «Ребятки, это Валуйки (с ударением на последнем слове)? - В ответ хохот - Валуйки, Валуйки, тётенька!». Женщина шуточно заматывается тряпкой на гримасничающих мальчишек.

Наступило безвременье. Сонный городок, застывший в начале 90-х прошлого века, минул, к счастью, ужас, творившийся на окраинах рухнувшей в одночасье великой страны. Война придёт в него гораздо позже, спустя три десятилетия. От судьбы не уйти, будь ты человек или город. Раз уж издревле повелось называть Валуйки форпостом Отечества, то рано или поздно город им станет. И неважно, в нынешние времена или в эпоху Петра валуйский край закрывает собой страну.

Но февраль 22-го будет ещё нескоро, а пока над площадью, ещё одетой в асфальт, плывёт знакомая всем валуйчанам песня. О журавлях в вечернем небе, тоскующих по родному сиреневому краю. О маленьком городе в пене весенних садов. С первыми аккордами взрослые под-

нимают малышей на плечи, стихают разговоры, вся площадь делает вдох. И в ту самую - между куплетом и припевом - секунду, когда раздаются первые залпы салюта, а в вечернее небо один за другим уходят огненные росчерки - над площадью гремит многоголосое протяжное «Урррра...». Здесь голоса всех - от мала до велика. А сверху на Валуйки уже плавно опускаются разноцветные грозды. Это в твою честь, любимый город!

И снова весна. Середина «десятых». На улицах - Бессмертный полк. Если смотреть сверху на эту людскую реку, заполнившую центральные улицы города, - волей-неволей охватывает озноб. Тысячи людей, тысячи портретов. Дети, цветы, приглушённые разговоры. В колонне ловишь взгляды соседей на портреты в твоих руках и на тебя самого; сам смотришь, сравниваешь. Какие мы? Кто-то говорил, заставляли? Но, положив руку на сердце, шедшие тогда в рядах Бессмертного полка, скажите: неужели и впрямь, проходя мимо Вечного огня у Скорбящей матери с портретами погибших дедов и прадедов, вы делали это из-под палки? Или на самом деле всё не так? А мы просто очерствели и боимся признаться в главном даже самим себе.

На площади под взглядами сотен людей застыли прямоугольники парадных «коробок». Подогнанная форма, вздернутые в равнении подбородки, серьёзные лица солдат. Тишина, только слышен тонкий перезвон медалей на груди у офицеров.

Отрывистая череда команд. Линейные уже маршируют. Немногие, увы, ветераны расправляют плечи. Как мало их осталось... И вот раскатилось над площадью: «Марш!!!» Парад вздрогнул и пошел, пошел за чеканящей шаг знаменной группой, под задающий ритм барабан. Грянул духовой оркестр, сердце подняло обороты, и в глазах взрослых и детей восторг. Как недавно и давно это было!

Каким встретит Победу мой город? Это будут другие Валуйки. С памятью о полётших на полях СВО войнах-валуйчанах, с болью о детях и стариках, погибших под обстрелами фашистов, с флагами над воинскими обелисками. Помнящий о разбитых и сожжённых врагом сёлах валуйского приграничья, о не сдавшихся беде людях. С цветами у портретов героев Великой Отечественной, Афганистана, Северного Кавказа, нынешней войны. В его лице будет светлая грустная улыбка обо всём пережитом. Он вспомнит армейские колонны на улицах, госпиталь с ранеными парнями, хирургов, извлекающих из груди солдата неразорвавшуюся гранату. В его памяти останутся рёв вертолётных двигателей, сирены оповещения, взрывы, горящие и разрушенные дома. Наш маленький город никогда не забудет всех своих погибших и раненых; маленького мальчишку с перебитой рукой, вытаскивающего из-под завала отца; девочку, пытающуюся вместе со своим дедушкой спасти лётчика, увидившего от села едва державшийся в воздухе штурмовик, пехотинцев и танкистов, офицеров и солдат, ушедших в бессмертие, - непременно будет помнить. Пламя Вечного огня будет гореть в память обо всех погибших из форпоста Отечества - маленького города, над которым стонут журавли. Теперь мы знаем о ком.

ВАСИЛИЙ САНЕЕВ,
член Союза журналистов России

